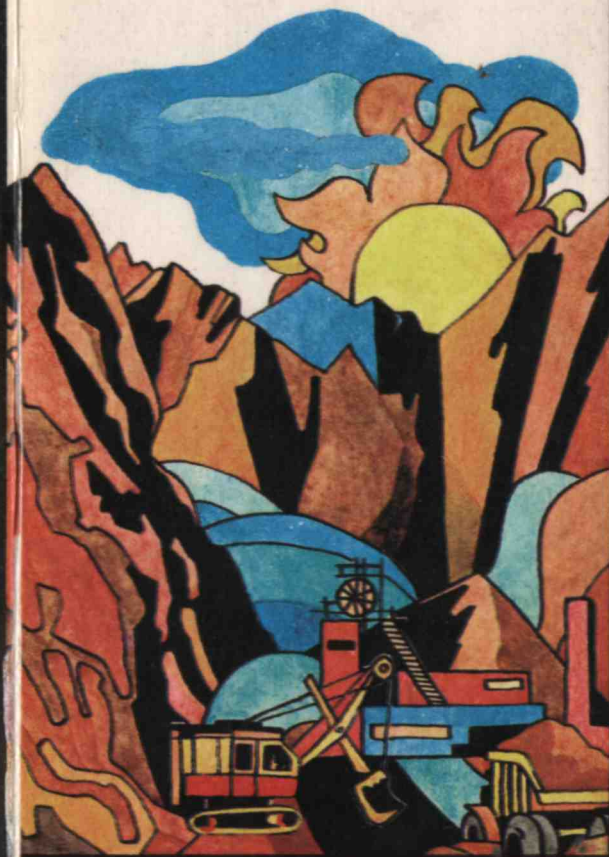

102
4-57

Алексей
Чечулин

День
прибытия

Первая книга в столице

Нечасто (после Николая Анциферова) встречаются стихи, в которых бы со знанием жизни, с подлинно поэтической силой и народным юморком воспевался труд шахтеров.

Приятной неожиданностью для меня явились стихи Алексея Чечулина. Читая их, видишь шахту, где «даже транспорт, как метро, только вертикальное», где рабочему пареньку «выдали сначала спецодежду, свидетельство о зрелости — потом», слышишь: «копры вдали канатами скрипят», «как новыми ремнями лейтенанты». Или вот строки из стихотворения «Машинисты»:

Экскаватор-громада
Вычерпывал целые тонны
Приседали под грузом
Могучие кузова.
Скрежетали надсадно
Идущие в гору вагоны,
И росла на вагонах
Покуда живая трава.

Все точно, выверено и поэтично... Шахтерский городок, округа, красоты земли и труд под землей — вот мир поэта. То, что Алексей Чечулин мыслит образами, а не описательски холодно подходит к тому или иному жизненному факту, располагает к автору. Ему веришь, с ним вместе сопереживаешь, расширяя представление о биографии лирического героя, в которой даже малый житейский факт становится достоянием поэзии. А сколько сыновней грусти в стихотворении о матери:

Отцветают поздние ромашки.
Я от них глаза не отведу.

Сшей мне, мама, белую рубашку,
Белую, как лебедь на пруду.

Помогая солнышку за рамой,
Свет зажгу, хоть вечер далеко.
Но в иглу
Не вдернет нитку
Мама —

С каждым днем
Сужается
Ушко.

Это стихи настоящего поэта.

Я уже говорил, что Алексей Чечулин мыслит образно, что стихи его жизненно правдивые. Чтобы убедиться в этом, нужно сделать немного, а именно — прочесть книгу. Присутствует в ней и тема послевоенных трагедий народа нашего. Это стихотворения «Хлеб», «После войны», «Баллада о сухаре» и другие. Вы полюбите молодых ребят, продолжающих дела отцов и дедов, поймете их негромкую, но святую любовь к родине.

Будет несправедливым не сказать о чисто лирических светлых стихах поэта. В них бьется пульс художника, человека, влюбленного в людей и нашу родную природу. Вот строки о лете:

А в воздухе
Отстой брусники спелой,
Трава и хмель
Переплелись окрест.
И озеро уже похолодело
От затонувших поутру
Небес.

Можно много приводить примеров, чтобы показать, что А. Чечулин — интересный поэт со своим голосом. Повторюсь: чтобы убедиться в этом, нужно сделать немного, а именно — прочесть книгу.

Владимир ФИРСОВ

✓
Алексей
Чечулин

День
прибытия

Стихи

11739
✓
✓
✓

ЦГБС
г. Асбест

«Современник»
Москва
1979

P2
Ч-57

Чечулин А. И.

Ч-57 **День прибытия: Стихи. /Предисл. В. Фирсова. — М.: Современник, 1979. — 78 с., 1 л. портр. — (Первая книга в столице).**

У свердловского поэта участника VI Всесоюзного совещания молодых писателей Алексея Чечулина свой мир — мир людей труда, с которым он хорошо знаком, начиная со своей рабочей юности, кончая нынешним днем. Молодой поэт образно отображает не только шахтерский городок, труд под землей, но и природу.

ч 70402 — 180 174 — 79 4702010200

M106(03)—79

БК84. P7
P2

Голоса

Живу в соседстве
С Благодать-горою.
Вокруг нее
Леса, леса, леса...
Есть даже соловьи,
Но я не скрою,
Другие будят
Ночью голоса.

Как певчих птах,
Я узнаю их сразу.
Как певчих птах,
Я слушаю их всласть.
Земля гудит:
Идут в карьер БелАЗы.
Металл звенит:
Погрузка началась.

А то со сменой,
Будто бы с десантом,
Шальные электрички
Просвистят.
Как новыми ремнями
Лейтенанты,
Копры вдали
Канатами скрипят.

Благодать-гора

И в зной, и в лютый холод —
Такой уж край у нас —
Качают взрывы город
В определенный час.

И в праздничные даты
Без отдыха гора.
Под сенью Благодати
Не тот я, что вчера.

Она мою кручину
Развеяла, как дым.
Она меня учила
В бригаде быть своим.

В ней взрыв, на гром похожий,
Рождает гром другой.
А день такой погожий,
Сиреневый такой!

Но, дьяволы чумазы,
В забой шахтеры прут.
В каратах, как алмазы,
Пора ценить их труд.

Ах, лава, лава, лава
В кремешной глубине!
Горе вовеки слава,
Шахтеры, вам —
Вдвойне!

Шахта

Шахта!
Ах ты!
Глубина!
Под ногами шатко.
К сердцу сладкая волна
Подступила в шахте.

И летит стальная клеть
К черту
На кулички.
Миллионы
Зим и лет
Чую с непривычки.

Миллионы за спиной!
В разум не вмещается!
А бригада надо мной
Явно потешается.

Что, мол,
Взять-то с новичка —
Оглушен веками.
Все тут ахали, пока
Не попривыкали.

Мне старшой
Мигнуд хитро:
— Все у нас шикарное.
Даже транспорт,
Как метро,
Только вертикальное.

В забое

Когда
В шестнадцать
Я попал в забой,
Не чуя ног неловких под собой,
Мне дали лом, надраенный до лоска,
И место —
С практиканткой из Свердловска.
Подсобная, казалось бы, работа,
С нее у многих начинался путь.
И лично у меня была охота
Скорей до пересменка дотянуть,
Хотя и так забойщики со стажем
Пытались нас частенько подменять.
Но девочка,
На год меня постарше,
Поблажек не хотела принимать.
Трещали перфораторы натужно,
В скалу вгрызался озверелый бур.
И мужики устраивали дружно
Все чаще почему-то перекур.
И ей, и мне
Не убежать от детства
И вспоминать забой как теплый дом,
Где выдали сначала спецодежду,
Свидетельство о зрелости —
Потом.

Машинисты

Братьям

Я родился в поселке,
Где воздух горел от металла.
Слева было депо,
А направо — токарный цех.
И карьер впереди,
Где весь день самосвалы мотало
И работа пьянила,
Работа роднила всех.

Так что выбор был сделан
Едва ли не с самых пеленок.
Впрочем, тот, кто желает, —
Ступай в институт и учись.
Только что инженер?
В нашем Талицком каждый ребенок
Стать хотел машинистом.
Вот это, считали мы, жизнь!

Экскаватор-громада
Вычерпывал целые тонны.
Приседали под грузом
Могучие кузова.
Скрежетали надсадно
Идущие в гору вагоны,
И росла на вагонах
Покуда живая трава.

А потом, после смены,
Шагал машинист на вечерку:
Сапоги мягкой кожи,
Пиджак дорогого сукна.

Да еще под тальянку
Отхватит такую девчонку,
Что приезжие парни
От зависти сходят с ума.

Ну а в стычке, известно,
Куда городскому до наших!
Машинисты тут все же,
А это народ удалой...
Как мечталось тогда мне
О шелковой белой рубашке,
О гармошке бедовой
И дружбе с девчонкой одной.

О наивное детство,
Спасибо за грезы о чуде,
Вам, друзья-машинисты,
За ваш бесшабашный пример.
Понимаю теперь я,
Что было б не так уж и худо,
Если б в нашей семье
Появился один инженер...

Да случилось иначе.
Романтику детства отбросив,
Поманила незнамая
В нашей округе судьба.
Не исполнил мечту,
Эту песню моторов и тросов,
Что стихам и поступкам
Отныне верховный судья.

Машинисты мои,
Пусть нас жизнь не щадя разбросала,
Вы братаны мои
Не по кровному только родству.

**Вы живете в поселке,
Где воздух горит от металла...
Низко кланяюсь, братья,
Горняцкому мастерству.**

Первая получка

**Шестнадцать
Стукнуло в получку.
Кассир был ростом кирасир.
Чтоб разглядеть меня получше,
Аж вышел в коридор
Кассир.**

**И расписался я за тридцать
И сжал рублевки в кулаке...
Вот сколько
Стоили жар-птицы
На новом
 мамино
 платке.**

Проводины

Древние шахтерские законы,
Проводы ослепшего коня...
Выбыли из шахты коногоны,
Подошли к отвалам зелена.

Но живучи в шахте проводины!
Вот и нынче вынесла нам клеть
Старые, разбитые машины...
Грустно на останки их смотреть.

Понимаем, что грустить нелепо,
Но ведь жалко, потому молчим.
И снимаем каски напоследок
В честь
Погибших под землей
Машин.

Тетя Вера

Карьер
Не стану рифмовать
С карьерой.
Не потому, что рифма с бородой.
Тридцатый год в карьере
Тетя Вера
Командует асбестовой рудой.
Иному —
Продвижения по службе,
Ее же путь ничем не знаменит.
Пришла в войну,
Когда сказали:
Нужно
За рычагами мужа заменить.
Она себе не сделала карьеры,
Но для меня,
Как совесть —
Жизнь ее.
Отсюда начинается,
От Веры,
Отечество великое мое.

Зависть

ММЗЗЗ
—
Помню: в смене экскаваторной
Стажировку проходил.
Тащишь кабель — ноги ватные,
Никаких, казалось, сил.
Так и рухнул вниз лицом бы,
Да бригада за спиной.
Этот кабель, черт свинцовый,
Шутки шутит надо мной.
Но, привычные натуры,
Убеждали «старики»:
— Доживешь до перекура,
Значит, выйдешь в горняки.
— К табачку! — кричит механик.
Это так мне по душе.
Ванька Рыжиков, охальник,
Что-то с ходу врет уже.
Не помеха в нашем деле
Анекдот...
Вновь механик метры делит
И — вперед.
Так вела меня бригада
По карьере, по судьбе.
Через годы я, ребята,
Сам завидую себе.

43

ЦБ
г. Асбест

ЦГБС
г. Асбест

Стихи о спецовке

Горняков обычная одежда,
На которой сто одна застежка.
Без нее в забое не резон.
Я носил такой комбинезон.

Мне, мальцу,
Он был еще велик.
— Постирай, —
Советовал завскладом.
Постирал и так к нему привык,
Что спецовки лучшей и не надо.

И когда я вешал на гвоздок
Робу, побуревшую от пятен,
То рубашки
Белый холодок
Телу был особенно приятен.

* * *

Я в землекопах числился по штату
И, отвечая должности такой,
С восьми утра держался за лопату,
Которую прозвали штыковой.

Зима была, давалась глина тяжко.
Порою утешало душу то,
Что повар, востроглазая Наташка,
Своею властью выделит «по сто».

Все непослушной ломик и лопата.
За смену два вершка, и ноги — врозь.
Но два вершка за смену лишь на брата,
А братьев здесь немало собралось.

Все ж, принимая вечером работу,
Прораб в пример вновь ставил Днепрогэс,
Когда он малолеткою до поту
Боролся за технический прогресс.

Чтоб доказать ему, постановили:
Работать так, чтоб до последних сил...
И вовремя меня остановили,
А то бы до Америки дорыл.

Далекий год храня

Вот верь или не верь,
Но снится мне все чаще
Асбестовый карьер,
Огни в гигантской чаше.

И верная братва,
И камень серебристый.
И я, едва-едва
Успевший опериться.

О господи, какой
Тогда был год, ответьте,
Когда пошли в забой
Вслед за отцами дети?

Вот снимок, а на нем,
Любительском, размытом,
Снят я осенним днем
Фотографом забытым.

В кирзовых сапогах,
В казенной телогрейке.
Копьем в моих руках
Маркшейдерская рейка.

Стою и не горюю,
Веселый, молодой.
Тебя благодарю я,
Фотограф дорогой,

За то, что задержал
На годы облик детский...

Потом я ключ держал,
Пятифунтовый, шведский.

Взбирался на столбы,
Груз принимал на плечи
И много от судьбы
Не требовал, беспечен.

Далекий год храня,
В себя хочу взглядеться.
Каким же у меня
Прекрасным было детство!

Слово

Стыжусь коснуться белого листа,
Когда душа бесстрашна и пуста.

Стыжусь коснуться белого листа,
Когда душа сгорает, как листва.

И где-то вдруг неожиданно

между ними —

Между огнем и чуждой пустотой —

На золотой

и щедрой

середине

Приходит слово и владеет мной.

И зная цену этому приходу,

Боюсь пустое слово

обронить.

Учусь негромким

голосам природы.

И слышу самый крохотный родник.

Отцветают поздние ромашки.
Я от них глаза не отведу.
Сшей мне, мама, белую рубашку,
Белую, как лебедь на пруду.

Помогая солнышку за рамой,
Свет зажгу, хоть вечер далеко.
По в иглу
Не вдернет нитку
Мама —

С каждым днем
Сужается
Ушко.

Половики

То малиновая зорька,
То веселая трава...
Расплескалось красок столько,
Что кружится голова.

Домотканая работа
Полыхает, как жарки.
А всего-то, а всего-то —
Разноцветные ремки.

Да станок несложный — кросно,
Да свободный вечерок,
Да, пока не вышли звезды,
Кросна беглый стукоток.

Да еще такая малость —
Не спугнуть бы детям сна.
Да еще все дело в маме —
Не хворала бы она.

Пиджак

Расскажу и я потомку,
Как по карточкам жилось...
Собирает мать в котомку
Все, что лучшее нашлось.

И отцов пиджак на вате
Вниз укладывая, мать
Смотрит как-то виновато:
Ладно ль, мол, его менять?

По обычаю на лавке
Молча посидим чуток.
На вокзале шум и давка;
Паровоз дает гудок

И пошел, дымком чубатым
Обозначив скорый путь.
— Ничего, — вздыхает батя. —
Перебьемся как-нибудь.

И пиджак-то, право слово,
Староват уже, поди.
Ничего, у нас обновы
Вудут, парень, впереди. —

Он смолит табак домашний
И смеется — хоть бы что.
Вудь у нас пальто с барашком
Променяли бы пальто.

С этой мыслью и уснул я,
А наутро слышу вдруг:

**В кухне двигаются стулья,
В ноздри бьет забытый дух.**

**Без обмана золотые,
Как и не было войны,
Словно солнышки ржаные
На столе горят блины.**

**Это мать вернулась ночью.
Посмеяться нам не грех:
— Был пиджак — и нет, сыночек,
Но зато блины для всех.**

Слово о топоре

Колоть дрова —
Отличная работа.
Колоть дрова —
Привычная забота.

Мы тащим клинья,
Точим топоры.
Жару переживаем.
До поры

Чего смешить
Воскресный шумный двор.
Но вот и время.
Эх, гуляй, топор!

Аж дерево кряхтит
Под мощным клином,
Который бьем
Кувалдою былинной.

И сват Иван,
Что на язык остёр,
В ладони плюнув,
Сам берет топор.

Мать интервью
Дала соседским бабам:
— Пьют молоко.
Откуда быть им слабым!

...Давно не брал
Я в руки топора

Под говорок
Воскресного двора.

Живет родня
В квартирах горкомхоза.
Все хорошо.
Но на душе морозно,

Когда примечу:
Во дворе чужом
Махает кто-то
Острым топором.

А может, дело тут
Не в топоре?
А в юности,
В утраченной поре?

Телеграмма

Была
Внезапней пули
Телеграмма.
Я так спешил,
Я так домой летел.
В платочке черном
Вышла моя мама,
А батя
Приподняться
Не сумел.

Ворочалась
За окнами пурга.
Как памятники,
Высились сумёты.
И ветер
Безответно до утра
Стучал, стучал
В пристывищие
Ворота.

Огонь

Есть что-то
Очень личное в огне
По осени, по заморозкам ранним,
Когда горит полсолнышка в голландке,
Его остатки светятся в окне.

Я понимаю,
Есть у нас всему
Природой установленные сроки.
Но, кажется мне,
Все-таки жестоко,
Что гаснет печь
В родительском
Дому.

Когда в душе остуда,
А за окном — ни зги,
Я вспоминаю чудо —
Гигантские шаги...

Но затеряюсь в датах.
Тогда, после войны,
Ходили мы в заплатах,
Горняцкие сыны.

Но нет на сердце груза:
С утра ждут у реки —
Подарок профсоюза —
Гиганские шаги.

Незнамая отрада,
Бесплатная причем;
Кружим повыше сада
В пространстве голубом.

Как в бабушкиной сказке,
Мир ярок и велик.
Так вот где мама краски
Берет на половик!

Приятель мой Алеха,
Взлетая высоко,
Кричит: «Живем неплохо,
А главное — легко!»

Мы не были в обузу,
Хотя в стране разор.

Спасибо профсоюзу, —
Узнал его с тех пор.

Когда в душе остуда,
А за окном — ни зги,
Я вспоминаю чудо —
Гигантские шаги.

И всё: на грусти — точка,
Послевоенный год...
Давай-ка завтра, дочка,
Устроим в парк поход!

Хлеб

В пятидесятом было это.
С глухим Иваном Бубенцом
Коров я пас второе лето,
Как было велено отцом.
— Мы молоко хлебали долго
И лишь потом за хлеб брались.
Его делил Иван,
Но долька —
Не толще, чем капустный лист.
Он говорил:
— Чем тоньше ломтик,
Тем больше кажется.
Ты вял? —
И был доволен тем, что ловко
Он учит мудрости меня.
И эту мудрость не забуду
И серый ломтик на траве.
Вот и теперь —
И режу булку,
А кажется —
Нарезал две.

После войны

Мужики во дворе у нас
Доминошники и курцы.
По субботам, как правило,
Собираются вместе.
И только похрустывают
На зубах огурцы,
И стучит домино,
И негромкие слышатся песни.

Что бранить мужиков!
Они «пашут» как черти.
Вот и выжили малость,
Как раньше сто грамм фронтовых.
Ну и вспомнили, ясно,
Недавние встречи со смертью.
А теперь все в порядке
И в цехе, и дома у них.

Мужики у нас славные,
Вот тебе честное слово.
Дядя Саня с медалями,
Витькин батяня — шофер.
А вон тот, на завалинке,
Тихий, с глазами коровьими,
Был контужен в Смоленске,
Не вымолвил слова с тех пор.

Дядя Саня разводит
Тельняшку цветастых мехов,
И «Амурские волны»
Призывно гремят на Садовой.

Сразу шум замолкает,
Выходят легко из домов
Наши матери,
Каждая в кофточке новой.

К гимнастеркам застиранным
Тянутся детские взоры,
Словно видим впервые
Вернувшихся с фронта отцов.

С каждым годом пустеют
Скамеечки у забора.
Вот такие дела,
Хоть навалом у нас огурцов.

Баллада о сухаре

Когда после войны
у нас последним
Делились люди,
будто все сродни,
Не знаю, как жилось
фашистам пленным,
Но помню,
как меняли хлеб они
На крепкую
уральскую махорку
(В душе рубцом остался
давний след).
Мы брали хлеб,
но он казался горьким,
Как самосад
послевоенных лет.
Но если ганс
какой-нибудь старухе,
Или жалея
нашенских ребят,
Вдруг
задарма
протягивал краюху, —
Его встречал
непримиримый взгляд.
Вот почему судили мы
всем сердцем
Ровесника,
хоть был он нам дружок,
Когда хотел он взять
подачку немца,

Чтоб хоть разок наесться,
хоть разок.
Крапивы
было много в огороде,
В тот год мы ей
не ведали конца.
Хлестали ею
от лица народа,
От имени
погибшего отца.
И вместе с «подсудимым»
после порки,
Чтоб не просыпать
крошки ни одной,
Сухарь делили.
Он не пах махоркой.
Сухарь был русский.
Маленький.
Ржаной.

Родичи

Каждый дом
Их памятью согрет.
Не померкнут в ней родные лица...
Чтобы обелискам поклониться,
Мне не хватит в жизни зим и лет.
У меня лежит за Вислой родич,
И за Волгой родич,
и за Мгой...

Мне осталась каска.

«Не уронишь?»

Если уроню —
то с головой!

Окраина

Так бывает необъяснимо:
Как на выдохе вдруг замрешь.
Сколько раз пробегал я мимо
Огородов этих и рощ.

Ну, окраина городская.
Ну, поселочек заводской.
И окраина небаская.
И поселочек небаской.

По дороге меня однажды
Завела невзначай сюда.
Здесь на каждой избе,
На каждой,
В честь погибших
Горит звезда.

Сколько их, молодых и старых,
Не пришедших с войны домой,
Здесь,
На улице Сталеваров!
Здесь,
На улице Заводской!

Эта женщина пожилая,
Что окучивала рядки,
Мать солдата, вдова ль седая,
Смотрит в дали из-под руки.

Так, наверное, и глядела
Ошелонам военным вслед.

Так, наверное, и седела
Эти долгие тридцать лет.

Что ей видится в летней сини?

Ты куда, тропа, завела?

Как цветы полевые в России

Звезды, звезды...

Им нет числа.

Первые стрельбы

Танк игрушечный на погоне —
Вежа юношеской судьбы.
Самоходки на полигоне,
Словно кони, встают на дыбы.

Командир полка Симоненко
Насулил нам сполна чертей:
Зазевайся еще маленько,
Не собрать бы в «бою» костей.

Понимаем, несладко бате.
Да и нам каково сейчас.
Дома спишь, бывало, на вате,
Здесь соломой набит матрас;

«На гражданке» грешили водочкой,
Здесь чай да чай подряд.
Командир, заменив наводчика,
Точно в цель уложил снаряд.

—Так вот,—скинул он шлем ребристый,—
Вы теперь у меня в долгу. —
Тут граница на пушечный выстрел,
Только он о том ни гугу.

В кровь сдираем опять коленки,
Но фанерные танки трещат.
И счастливо сонит Симоненко,
Табачка одолжив у ребят.

На родине

Из дальних мест, с чужих долин и рек
Я воротился в милые просторы.
Их вид один с души содвинул горы,
Которые, казалось мне, навек.

А с чем пришел? Вернулся я к кому?
Об этом не скажу я никому.
Я просто здесь, на родине, гощу.
Я просто по ушедшему грущу.

В окошко загляну через плетень:
Другую там колышет занавеску.
А я когда-то здесь нашел невесту.
Ты помнишь, Галя,
Тот далекий день?

О родина!
Светлы твои укоры!
Куда б ни шел,
А всё к тебе пути.

Я воротился в милые просторы,
Чтоб прошлые потери обрести.

* * *

Через годы,
Всяко может статья,
Позабудешь даже пота соль.
В цех родной,
К моей начальной станции
Снова катит жизни колесо.
Там все так же шумно.
В раздевалке
Поучает мастер молодежь.
Что же ты, Семеныч,
Елки-палки,
Старых горняков не признаешь?
Это верно, что давно в отлучке,
Но зато теперь уж угощу.
Я тебя, Семеныч,
Самым лучшим
Табачком армейским угощу.
...Набухают почки. Много солнца.
Паровозы хрипнут на басах.
Мы дышим со стариком,
И кольца
Неторопко тают в небесах.

* * *

Крутыми улочками Кушвы
Спускаюсь к сонному пруду,
Где лодок сумрачные туши
Лежат тюленями на льду.

Багрово пламя от завода.
Ночная смена. Тишина.
И от печей до небосвода
Закрыла звезды пелена.

Но, пробиваясь через дымку,
Мелькнул кометы дальней хвост.
И, как сухую хворостинку,
Переломил его мороз.

И стало странно и печально,
Такая оторопь нашла:
Я столько выдал обещаний,
Я столько задолжал тепла.

* * *

Когда весна идет в разлив,
Я по ночам живу тревожно.
Ко многим был несправедлив,
Теперь покаяться бы можно.

О если б это помогло
Вернуть одних
Из далей глennых,
Других,
Своих друзей бесценных,
Обнять
Наветам всем
Назло...

О если б это помогло!

Кино в Париже¹

Моя соседка золотоволосая
Платочек нервно комкает в горсти.
В парижском клубе
Нынче крутят «Зосю»,
И от экрана глаз не отвести.
Идет кино о фронте,
о любви...

И вдруг в рядах,
От напряжения тихих,
Взорвался голос:
— Бригадир, на выход!
И хлынул в зал дурманный дух травы.
И покачнулась тень в безмолвном зале;
Петрович шел, ворча себе под нос...
Ах ты, Париж,
челябинские дали,
Назавтра здесь,
в «столице»,
сенокос.

¹П а р и ж — селение в Челябинской области.

Субботник

Полдень.
Жаркая суббота.
На лугу — рабочий класс.
До соленого до пота
Косы вымотали нас.
Нарасхват —
По кругу —
Квас!

Перекуров мы не просим,
До забвенья сенокосим.
Косы точим
И по новой...
Только свист
В траве шелковой.

Горняки
И машинисты,
Шофера
И турбинисты
На покосе,
Как на кроссе, —
Ты за них
Не беспокойся!

Но, скажу,
Приятно очень
Повалиться на межу
И лежать
Под грай сорочий,
Как сегодня я лежу.

**Счастлив я
Работой древней,
Как и предок мой степной.
Смычку города
С деревней
Знаю
Собственной спиной.**

Сирень

Была вполне обычной плавка.
Весь в белой ярости металл
То разливался морем плавно,
То громы-молнии метал.

Потом я взял его в ладошку,
И столько было в нем тепла,
Что по всему Магнитогорску
Сирень

внезапно

зацвела.

Горячий цех

Трепещет отблеск хищного огня
На задубелой коже сталевара,
Да так,
Что у стороннего меня
Займется дух
От бешеного жара.
И беспокоить мастера не смей,
Поскольку в цехе
Выпуска черед,
Сравнил я сталевара
С Прометеем,
А надо бы как раз
Наоборот.

* * *

Цветов некрасивых нет,
Не выдумать понарошке.
Но самый
Пронзительный
Цвет —
Цвет детства, —
Цены ему нет, —
Пылает на поле картошки.

Картошка

Олегу Поскребышеву

В ней ничего особенного вроде,
Привычный дар кормилицы-природы.
Но в те года, когда война была,
Она народы целые спасла.

Морожена она была порою,
Но это ей прощалось, как герою
Прощаются какие-то грехи,
Когда о нем слагаются стихи.

В моем дому, как гостью дорогую, —
Вареную, печеную, любую, —
Картошку королевой на престол
Возводят с уважением на стол.

Особое к ней, трепетное чувство,
Какого нет к ее сестре капусте,
Хотя и та достойна, несомненно.
И все-таки картошка несравненна.

И я ее сажал, и я копал,
В ручье студеном на заре купал.
За эту помощь мне один глазок
Однажды хитро подмигнул разок.

У моря

Просыпаюсь от прибой.
Холод яблока в руке.
Над зеленою водою
Белый катер налегке.

Рыбаки бросают сети.
Заливается движок.
Мы с тобой одни на свете,
Бескорыстный мой дружок.

Волны кланяются в пояс,
Горько пахнет чебрецом...
Ни о чем не беспокоюсь,
Не печалюсь ни о чем.

Позабуду на дорогу
Все обидное в судьбе.
Хорошо, и слава богу,
Слава морю и тебе!

По Каме

У русских рек своя походка.
Спокойна темная вода.
Летит буксир,
Качая лодки.
Плывут раздольно города.
Замрешь,
Когда на зорьке волны
Речная спустит тетива.
Ты, Кама,
Только дочка Волги.
Так, значит, Волга
Какова!

* * *

Желтый бубен луны
Опускается медленно в сад.
Разогнав мои сны,
В бубен яблонь,
Как цыганята, стучат.
Мне почудилось: будто
В стекло барабанила ты.
Вышел из дому —
Пусто,
И ветки у яблонь пусты.

Сан-Дonato¹

Травы сумерками смяты,
Кычут на ночь сарычи.
Сан-Дonato,
Сон да мята —
По распадам бьют ключи.

И разносится далеко
Скрип уключин над прудом.
И железная дорога
Отзывается гудком.

Вверясь этой перекличке,
Пропущу, заморожен,
Распоследней электрички
Переполненный вагон.

Лишь под утро виновато
Постучу в твою я тишь.
Сан-Дonato,
Сон да мята...
Разве это объяснишь!

¹Сан-Дonato — станция под Н.-Тагилом.

* * *

Над журавлиным клином
Пронзительны небеса.
Осень прощальным инеем
Выбелила леса.
Почудилось, что в пространстве
Вся жизнь сведена к нулю.
И вдруг ты сказала:
— Здравствуй!
А я разобрал:
— Люблю!

* * *

Я женщину обидел сгоряча,
Наговорил нелепого и злого.
Утих родник в тени карагача,
И в тесном горле
Задохнулось слово.

Деревьям обгоревшим не расти.
Есть у обиды праведная сила.
Та женщина могла меня простить.
Могла простить...
Но не простила.

* * *

Хрустел под каблуками подорожник,
Рвалась гроза, покуда далека.
Твои глаза огромны и тревожны,
Как эти грозовые облака.

Но я ушел,
Глазам твоим не внемля, —
Быть равнодушным не хватило сил,
Всю ночь стучали яблоки о землю,
А им еще и срок
Не выходил.

Аисты

Пей, девчонка моя, лекарства,
Шей белье, распашонки шей.
Слышишь:
Крылья в ночи...
Это аисты
Из-за моря несут
Мальшей.

Навзничь бурею опрокинута,
Задышается на лету
Стая белая аистиная,
Камнем падая в черноту.

За косою, за рыжей галькою
Крылья медленные шумят...
Что ж ты плачешь,
Милая Галка,
Наши аисты
долетят!

Костры

Ботва уже собрана в кучи
И отдана жарким кострам.
Дымы горьковато-пахуче
Качаются по деревням.

Над всею над Русской равниной
Предзимние торжества.
О славный обычай старинный —
Горит в огородах ботва!

Хозяева сходятся тихо
У крепких тесовых ворот
В надежде: минует их лихо,
А счастье не обойдет.

И мне с этой думою легче,
Хоть дом мой отсюда далек.
Вот так и мои у крылечка
Проводят осенний дымок.

* * *

**В ту пору всего не хватало.
И крепко запомнилось мне,
Как варежки мама связала
К суровой уральской зиме.**

**В них я беззаботно бегал.
Тепла было не занимать!
Да, все мои зимние беды
Сняла рукодельница мать.**

**А годы,
А годы...
Спохватишься —
Уж сам ты отец и зять.
Но самые теплые варежки
Умеют лишь мамы вязать!**

* * *

О детство сенокосное!
В работе спорой злы,
Артельщики
На косах
Солнце принесли.
Качаются в охотку
Их сныны в логу.
А я им лишь махорку
Подносить могу.
Да еще воду в ковшик
Цедить через платок.
Еще я бестолковщина —
Идет восьмой годок.

На покосе

Июль.

Пора попробовать литовки.

Забойщики уходят в отпуска.

И оселок вызванивает тонко:

Мужик-жик-жик...

Работает рука.

Отец ведет прокос и с каждым взмахом

Глядит на землю — птах бы не сгубить.

Фуражка — на затылок, взмокла майка,

И недокурок соскользнул с губы.

Все птах берег...

Не потому ль в артели

Последним он заканчивал косить?

Но шел домой,

И так душа светлела,

Что сумеркам тот свет

Не угасить.

Дом

Катаем бревна,
Ставим брату сруб.
Венец к венцу, чтобы векам не тронуть.
И парусом — рубахи на ветру,
Как занавески будущего дома.

Не бог
Нам в помощь,
А знакомый люд,
До топора до плотницкого лют.
Ядреная работа, что веселье,
Першибет и хвори и похмелье.

И, потные от пяток до макушки,
Ковши роняем в глубину кадушки.
Хорош квасок из погреба со льдом!
Всем миром ставим дом.
Живи ладом!

* * *

По-гречески Галина — тишина.

А вот тебя

Такой и не припомнишь.

Ты дерзость вся,

Ты вся напряжена,

Как белый парус,

Уходящий

в полночь.

Я знаю,

Почему горька калина

У твоего раскрытого окна.

Но что такое

Тишина,

Галина,

Когда Галина —

это тишина!

Вагоны

На ржавые гайки
Ложатся ладони.
Как люди, в отставку
Уходят вагоны.

Когда-то летавшие,
Силы полны,
От Заполярья
До Ферганы.

Качнитесь, вагоны
Забывтого класса,
Рванитесь стрелой
По наезженной трассе,

Чтоб снова почуять
В дыхании ветров,
Что жизнь — это штурм
Распахнувшихся метров.

Но старый бродяга,
Уже без колес,
В колючий татарник
До пояса врос.

И доски на окна
Легли навека,
Как руки крест-накрест
У старика.

Быть может, я в нем
Столько лет облетал

Республику стали —
Любимый Урал?

Быть может, я в этом
Вагоне впервые
Приметил однажды
Глаза озорные?

Ну что же, не будем
Грустить и тужить.
Уходят вагоны,
А нам надо жить.

Не мы для вагонов,
Вагоны — для нас.
Но столько в нем грусти,
В проходчике трассе!

Я знаю, другие —
Получше — выходят
Со сборочных линий
Огромных заводов.

Но с этим вагоном
Я с детства знаком.
Дозвольте проститься
Со стариком.

* * *

Понапрасну говорить не стану,
Нету в том резона ни на грош.
Отдал я полсердца Казахстану,
Край тот удивительно хорош.

Аргамаки?

Да, и аргамаки,
Марь степи,
Тюльпановый настой,
И степные рослые собаки,
И аулов разговор простой.

А еще в степи,
Хмельной как брага,
Плещется студеная Аксу.
Там чабан,
Во мне увидев брата,
Доверял и лошадь и камчу¹.

Понапрасну говорить не стану.
Презирают чабаны обман.
Отдал я полсердца
Казахстану.—
Подарил

мне степи
Казахстан.

¹Камча — плеть (каз.).

Сердце

На севе прихватило сердце —
Сказались годы, тракторист!
Шел трактор сам,
Работник честный,
Уже на собственный свой риск.
А там,
Куда тянула скорость,
У разветвления дорог,
За жизнь свою не беспокоясь,
Обновку мерял тополек.
Что в нем,
Единственном на поле?
Но, в смертный миг открыв глаза,
Уже не мучаясь от боли,
Сполз человек на тормоза.

* * *

Где глубже,
Там всегда темней течение,
Деревья гуще над крутой водой.
Встает из волн прозрачное свечение,
Шуршат шелка травы береговой.

И ничего на свете нету боле;
Цветут светло купавки на реке,
И пахнут дикой мятой лес и поле,
И эти копны сена вдалеке.

Какой покой.
Не шелохнется деревце.
И за сердце берет пейзаж простой,
Но из реки выпархивает девушка
И обжигает юной наготой.

С купальника она отжала воду,
Стряхнула капли ясные с волос...

Красу природы,
Красоты природу
Впервые вместе видеть довелось.

Август

Я узнаю его по всем приметам,
Достаточно порою и штриха.
Запуталось в тумане легком лето,
И ласточек баюкает стреха.

А в воздухе
Отстой брусники спелой,
Трава и хмель
Переплелись окрест.
И озеро уже похолодело
От затонувших поутру
Небес.

* * *

Невозмутимы дни печальной осени.
Под листопадом горбится забор.
И дремлют лодки
на притихшем озере,
Начерпав стылой тины через борт.

Прощаюсь с летом.

Тополя легки.

Полет вершат свой листья по спирали
И покрывают мокрые мостки,
Где женщины весь день белье стирали.

Дожди

Я дожди за озорство
В юности любил.
С ними чувствовал родство,
Сам таким же был.

Думал я — в календаре
Миллионы дней.
Но однажды в сентябре
Не было дождей.

А когда они пошли,
Родилось в душе:
Прежние мои дожди
Кончились уже.

Тускло светит колея,
Бьет в окошко морось.
Понял я, что жизнь моя
Изменила скорость.

Все отчетливее даль,
Все крупней детали.
Жаль того, что раньше жаль
Было мне едва ли.

Что-то будет впереди?
Радости? Потери?
За неторопность дожди
Полюбил теперь я.

* * *

Таится за окнами стужа,
В простенок залезть норовит.
Опять, расписанием разбужен,
Озябший вскричал паровик.

Прощай,
 золотая погода!
По графику жизни —
 зима.

Пылятся за печкой полгода
Два жарких сибирских пима.

Уйду на рассвете в просторы,
Одетые в белизну.
Любую приветствую пору,
Любую погоду приму.

Зима ли,
 весна на пороге,
Листва ли плывет на волне.
Была бы на свете
 дорога
Да эти поля в тишине.

* * *

Я все острее сознаю,
Что не любить мне невозможно
Поселки, доли, бездорожье
В моем потомственном краю.

До смертной тяжести в глазах
Мне суждено здесь полнить душу
То песней, найденной в лесах,
То болью, рвущейся наружу,

Из родников студеных пить...
И каждый день за это славить
Тот край, что в горе не оставить
И в радости не позабыть.

ЦГБС

г. Асбест

~~БИБЛИОТЕКА~~

~~Объединенный комитет~~

~~профсоюзов~~

Содержание

- 3 Предисловие В. Фирсова
- 7 Голоса
- 8 Благодать-гора
- 9 Шахта
- 10 В забое
- 11 Машинисты
- 14 Первая получка
- 15 Проводины
- 16 Тетя Вера
- 17 Зависть
- 18 Стихи о спецовке
- 19 «Я в землекопах числился по штату...»
- 20 Далекий год храня
- 22 Слово
- 23 «Отцветают поздние ромашки...»
- 24 Половики
- 25 Пиджак
- 27 Слово о топоре
- 29 Телеграмма
- 30 Огонь
- 31 «Когда в душе остуда...»
- 33 Хлеб
- 34 После войны
- 36 Баллада о сухаре
- 38 Родичи
- 39 Окраина
- 41 Первые стрельбы
- 42 На родине
- 43 «Через годы, всяко может статья...»
- 44 «Крутыми улочками Кушвы...»
- 45 «Когда весна идет в разлив...»
- 46 Киво в Париже
- 47 Субботник
- 49 Сирень
- 50 Горячий цех

- 51 *Цветов некрасивых нет...»
52 Картошка
53 У моря
54 По Каме
55 «Желтый бубен луны...»
56 Сан-Дonato
57 «Над журавлиным клином...»
58 «Я женщину обидел сгоряча...»
59 «Хрустел под каблуками подорожник...»
60 Айсты
61 Костры
62 «В ту пору всего не хватало...»
63 «О детство сенокосное!..»
64 На покосе
65 Дом
66 «По-гречески Галина — тишина...»
67 Вагоны
69 «Понапрасну говорить не стану...»
70 Сердце
71 «Где глубже, там всегда темней теченье...»
72 Август
73 «Невозмутимы дни печальной осени...»
74 Дожди
75 «Таится за окнами стужа...»
76 «Я все острее сознаю...»

**Алексей Иванович
Чечулин**

**День
прибытия**

Стихи

Редактор

А. Волобуев

Художник

В. Степанов

Художественный редактор

О. Червецова

Технический редактор

Л. Анашкина

Корректор

О. Гнеушева

Сдано в набор 06.03.79. Подпи-
сано к печати 15.06.79. А10520.
Формат 70x90/32. Бумага тип.

№ 1. Гарнитура обыкн. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,93.
Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 10 000 экз. Заказ 810. Цена 30 коп.

Издательство «Современник»
Государственного комитета
РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торгов-
ли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцев-
ская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типогра-
фия

30 коп.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ В СЕРИИ ВЫИДЕТ СБОРНИК СТИХОВ КЕМЕРОВСКОГО ПОЭТА ИВАНА ПОЛУНИНА «ПРИЛИВ». КНИГА ПРИВЛЕКАЕТ ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ ИНТОНАЦИЕЙ, ИСКРЕННОСТЬЮ. ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ БОЛЬШИНСТВА СТИХОТВОРЕНИИ — ЧЕЛОВЕК СМЕЛЫЙ, ГОТОВЫЙ ПОМЕРИТЬСЯ СИЛАМИ С ЛЮБЫМИ ПРЕГРАДАМИ, ОН ОТКРЫТ НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ, ВЕРИТ В ДОБРО И ПРОПОВЕДУЕТ ЕГО:

Будем знать,
Как тоскуют метели,
Как вплетается в прядь седина:
Ведь от горя душа не пустеет,
А, напротив,
Добрее она.

Первая книга в столице